

Vromen A. 2017. *Digital Citizenship and Political Engagement*. London: Palgrave Macmillan UK. 278 p.

DOMBROVSKAYA Anna Yur'evna, Dr.Sci. (Soc.), Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, GSP-3, Moscow, Russia, 125993); Associate Professor of the Chair of Socio-Political Research and Technology, Moscow State Pedagogical University (bld. 1, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; an-doc@yandex.ru)

CIVIL ACTIVISM OF YOUTH IN MODERN RUSSIA: FEATURES OF ITS MANIFESTATION IN ONLINE AND OFFLINE ENVIRONMENTS (based on the results of an empirical study)

Abstract. The article presents the empirical results of the study focused on the Russian youth online and offline civic activism. The main collecting data method is a mass online survey of Russian youth. Correlation between the Russian young generation belonging to various clusters of protest potential (leaders, activists, involved, spectators) and the features of its civic activism in digital and real spaces are identified. The author makes conclusion on the high potential for the development of conventional forms of online network civic activity of Russian youth. The results of the study may be of interest to the relevant committees of the Russian State Duma and the Public Chamber; departments of government departments working with youth; universities. It also may contribute to the development of measures to overcome the destructive forms of youth political socialization, the formation of the attitudes to the conventional dialogue of the young generation with the government.

Keywords: youth, civic activism, Internet communication, digital behavior, mass online survey

БЕЗРУКОВА Елена Юрьевна – аспирант Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 82; vladlena2017@gmail.com)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ В РОССИИ, ИЛИ «ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ БУНТУЮТ?»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению протестов, проходивших в российском обществе в 2018–2019 гг. Автор анализирует причины массового неучастия людей в публичных мероприятиях даже при наличии причин для социального недовольства. Анализ проводится на основе изучения результатов разных опросов общественного мнения о состоянии протестного потенциала в России. В статье поднимается вопрос о причинах созревания протестного потенциала в стране и проводимой в этой связи государственной политики, которая, по мнению автора, имеет тенденцию к ужесточению контроля за протестными выступлениями граждан вместо попытки выстраивания диалога. Отсюда наблюдаются две тенденции: большая часть общества начинает склоняться к политическому абсентеизму и придерживается принципа неучастия, а та меньшая часть, которая готова принимать участие в протестах, радикализируется.

Ключевые слова: протест, власть, политическое участие, пенсионная реформа, диалог между властью и обществом, радикализация

Не только политики, но и ученые-политологи, социологи заняты вопросом о причинах роста современного протестного движения. Но сегодня

российских исследователей заинтересовало изучение нового явления: почему при явно растущем протестном потенциале в обществе он уходит от публичности и приобретает скрытые формы. Ведь подобные ситуации могут принять, подобно неожиданному извержению вулкана, разрушительные для политической системы страны последствия, скрываясь до поры и времени под маской стабильности и консенсуса между властью и обществом.

В связи с этим стоит обратить внимание на психологическое состояние общества. Дело в том, что не всегда нереализованность социально-экономических потребностей общества ведет к бунтам и революциям, если есть желаемая перспектива и признаки улучшения ситуации. Но может случиться и обратное. Многолетнее изучение протестов во всем мире заставило Теда Гарра сделать вывод, что к революции может привести депривация — такое психологическое состояние общества, когда в нем возникает агрессия из-за растущей лакуны между ожидаемыми и получаемыми благами, и в этом случае зреет политическое насилие. Для такого вывода американский политолог и социолог сделал эмпирическую выборку из свыше 1 000 эпизодов политического насилия в более чем 100 политиях в период между 1961 и 1965 г. [Гарр 2005].

Если обратиться к нашей действительности и посмотреть на индекс социальных ожиданий, который ВЦИОМ измеряет с 1991 г., то он еще ни разу не поднимался выше нулевой отметки и оставался отрицательным¹. Одновременно индексы социального самочувствия за последние 2 года демонстрируют тенденцию к падению по 6 важным пунктам: это удовлетворенность жизнью; социальный оптимизм; материальное положение; экономическое положение страны; политическая обстановка; общий вектор развития страны².

Ученые из Института социологии ФНИСЦ РАН Р.В. Петухов и В.В. Петухов отмечают, что за последние 2 года вырос запрос на перемены. Но этот запрос не является радикальным и больше касается качества жизни, чем желания коренных политических изменений. При этом авторы пишут, что «последние исследования свидетельствуют о переоценке обществом роли государства и “затухании” в массовом сознании россиян его ценности как ключевого инструмента реализации общего блага. Подавляющее число россиян поддерживает требование открытости власти, обеспечения возможностей граждан влиять на нее посредством законных демократических процедур» [Петухов В., Петухов Р. 2019]. В этом же исследовании отмечается, что желание перемен — это не четко оформленный запрос, а скорее набор требований при отсутствии социальных групп, способных донести его до власти. Кроме того, этот запрос формируется без наличия работающих механизмов связи между властью и обществом, поэтому в выводах авторы пишут, что «в этих условиях перемены и сопутствующие им новые практики социального и политического участия, скорее всего, станут инициироваться самими гражданами и будут произрастать в ходе их борьбы за социально-экономические и политические права и свободы» [Петухов В., Петухов Р. 2019]. Выходит, что граждане готовы бороться за свои права, и легальный протест может служить институтом артикуляции общественных интересов наравне с политическим представительством.

Конфликтологи знают, что наличие явного противостояния далеко не всегда означает распад общества. Как показал классик конфликтологии Л. Козер, у социального конфликта могут быть и позитивные функции: открытые протестные выступления могут служить для разрядки психологической напряженно-

¹ ВЦИОМ. Индекс социальных ожиданий. Доступ: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidanij/ (проверено 28.02.2020).

² ВЦИОМ. Индексы социального самочувствия. Доступ: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochnuvstviya/ (проверено 28.02.2020).

сти. При этом важно наличие площадок и институтов для выражения разных позиций, включая позиции разгневанного меньшинства. Ш. Муфф в своей концепции агонистической демократии считает, что консенсус не всегда возможен и «создание пространства для разногласий и поддержка институтов, в которых эти разногласия могут проявляться, жизненно важно для плюралистической демократии» [Муфф 2008].

Важно понять и принять еще одно обстоятельство: за последние годы институт легального протеста как канала выражения общественных позиций и диалога с властью был сильно дискредитирован в глазах населения Российской Федерации. В этом виноваты как сами организаторы протестов, так и власть. «Протестантам» так и не удалось объединиться и выдвинуть серьезную социально-экономическую программу. Политические призывы: «долой власть» не способны представить мнение широкой публики и далеко не всех устраивают. Одновременно власть принимает все более радикальные меры по борьбе с протестующими. Протест уходит в сети, поскольку выражение его с помощью легальных каналов затруднено. И это опасно, поскольку такой протест трудно контролировать.

Но готовы ли сегодня люди к масштабным социальным протестам? Согласно опросам ФОМа¹, с 29 июля 2018 по 11 августа 2019 г. более 60% респондентов положительно ответили на вопрос, приходилось ли им слышать критические высказывания в адрес властей за последний месяц. На вопрос о личном недовольстве действиями власти положительно отвечала примерно половина опрошенных (в августе 2018 – 54%, в августе 2019 – 48%). Но при этом 50% опрошенных считают, что если в ближайшие месяцы в месте, где они живут, прошли бы протесты, то на них вышли бы немного людей; 25% считают, что много; 20% затруднились ответить. Аналогичную картину показывают и опросы ВЦИОМа². Пик положительных ответов на вопрос о возможности выступлений приходится на 2005 г., когда по всей стране шли протесты против монетизации льгот. Следующий всплеск приходится на время белоленточного протеста 2011 г., и начиная с июня 2018 г. эта планка поднялась и стабильно держится в районе 30%. Примерно такие же результаты мы можем увидеть в ответах на вопрос о готовности личного участия людей в протестах³.

Как видно из представленных выше данных, протестный потенциал не очень силен, но в последнее время он вырос и держится у определенной планки. Но интересно рассмотреть позицию тех респондентов, кто ответил отрицательно на вопрос о выходе на протест или воздержался, а это около 70% опрошенных.

Отчасти это можно объяснить увеличением запретительных барьеров со стороны власти. С 2011 г. были внесены изменения в закон о митингах и шествиях, усложняющие процесс подачи заявления и увеличивающие штрафы за нарушение правил. Вместе с этим был ограничен список мест, где можно легально протестовать: согласно интерактивной карте портала ОВД-Инфо, Москва и Санкт-Петербург являются одними из самых доступных городов для проведения публичных мероприятий (для сравнения: в Новосибирске 58,85% территории закрыты для активности подобного рода)⁴. Тем не менее, согласно выводам того же ОВД-Инфо, судя по практике последних лет, согласовать акцию

¹ ФОМ. Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать. Доступ: https://fom.ru/obshchestvo/11090#tab_03 (проверено 28.02.2020).

² ВЦИОМ. Общественный протестный потенциал. Доступ: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (проверено 28.02.2020).

³ Индекс на сайте ВЦИОМ. Доступ: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (проверено 28.02.2020).

⁴ Портал ОВД-Инфо. Территория «нельзя». Доступ: <https://tn.ovdinfo.org/msk> (проверено 28.02.2020).

в центре Москвы стало практически невозможно. Согласно данным другого проекта ОВД-Инфо, касающимся правоприменения статьи 20.2 КоАП РФ, за последние 15 лет текст статьи вырос в 4 раза, в ней появились новые варианты наказаний и существенно увеличились возможные штрафы для участников акций¹. Таким образом, можно заключить, что за последние 8 лет проводить публичные мероприятия и участвовать в них стало труднее.

По данным Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР), при проведении акций против пенсионной реформы их организаторы в большинстве случаев сталкивались с противодействием власти. «В ряде регионов Указом Президента о мерах безопасности во время Чемпионата мира по футболу фактически было заблокировано проведение потенциально возможных протестных акций (тем более, именно в этот период было объявлено о повышении пенсионного возраста)»². Согласно выводам ЦЭПР, протест имел высокий мобилизационный потенциал и политизацию. Многие лозунги имели антиправительственный характер. Однако власти не смогли прийти к реальному диалогу с протестными группами и избрали тактику игнорирования и противодействия. В докладе ЦЭПР также отмечается резкий спад протестов после подписания закона, однако подчеркивается, что эти протесты сильно повлияли на восприятие власти в обществе и увеличили уровень недовольства, что скорее всего отразится в будущем. Последнее замечание является очень важным, т.к. указывает на сохранение неразрешенного конфликта.

Итак, мы видим, что согласно вышеизложенным данным на конец 2018 г. существуют свидетельства накопившегося протестного потенциала, связанного с нерешенностью социально-экономических вопросов. При этом огромное число россиян не согласны с итогами повышения пенсионного возраста. К тому же митинги против повышения пенсионного возраста не дали людям желаемого результата.

Не случайно лето 2019 г. в Москве началось с серии массовых несогласованных акций. Еще до волны предвыборного протеста в июне проходила большая несогласованная демонстрация в поддержку журналиста Ивана Голунова, а протесты, касающиеся недопуска оппозиционных кандидатов на выборы в Мосгордуму, назвали самыми крупными со времен Болотной площади. Подчеркиваем, что их особенностью стал несанкционированный характер, несмотря на запреты властей и большое число задержаний³.

На этом примере можно увидеть интересную тенденцию: запретительные меры, даже после серии крупных задержаний на митингах, только подогрели интерес к подобному рода мероприятиям и радикализировали действия протестующих.

Какие выводы мы можем сделать из этого? Существуют две ярко выраженные тенденции. С одной стороны, большинство россиян не готовы участвовать в публичных мероприятиях — будь то митинги оппозиции или митинги в поддержку существующего режима. При этом в обществе существует ряд нерешенных социальных проблем. Но в силу отсутствия реальных каналов диалога между властью и населением большинство выбирает путь невмешательства.

¹ 20.2 КОАП: Применение. Доступ: https://data.ovdinfo.org/20_2/ (проверено 28.02.2020).

² ЦЭПР. Рост протестной активности в России (результаты всероссийского мониторинга 2017–2018 гг.). Доступ: <http://cepr.su/2018/11/08/protests-2017-2018/> (проверено 28.02.2020).

³ Список задержанных на акции против недопуска кандидатов на выборы 27 июля 2019 года. Доступ: <https://ovdinfo.org/news/2019/07/27/spisok-zaderzhannyh-na-akcii-protiv-nedopuska-kandidatov-na-vybory-27-iyulya-2019> (проверено 28.02.2020); Задержания 3 августа: в какие ОВД привозили и сколько оставили на ночь. Доступ: <https://ovdinfo.org/news/2019/08/04/zaderzhaniya-3-avgusta-v-kakie-ovd-privozili-i-skolko-ostavili-na-noch> (проверено 28.02.2020)..

Отчасти это связано с тем, что граждане не верят, что власть способна что-то изменить. Другая причина – существующий запрос на перемены не артикулирован, поскольку у социальных групп, которые могли бы стать его агрегаторами, нет институциональных опор для того, чтобы повлиять на власть. Кроме того, политика последних лет была направлена на дискредитацию участия граждан в акциях протеста, даже если они носили мирный и обоснованный характер. Таким образом, недовольство, рождаемое внутри общества, часто не имеет каналов и институтов для выхода, что само по себе является довольно опасной тенденцией.

Вторая тенденция заключается в том, что за последние 2 года протестный потенциал россиян возрос, и то меньшинство, которое все же принимает участие в акциях протеста, стало активнее и начинает отходить от принципа мирных публичных мероприятий в сторону участия в несогласованных акциях протеста с применением актов насилия.

Для того чтобы избежать дальнейшей радикализации выступлений в стране, власти необходимо налаживать новые, реально действующие каналы для диалога с активной общественностью. Примером могут служить факты приглашения активистов протестных выступлений в органы представительной и исполнительной власти (по реновации старого жилья в Москве или по строительству храма в Екатеринбурге) для совместного принятия решений. Вместо усиления мер запретительного и репрессивного характера стоит создать больше горизонтальных площадок для участия и выражения различных общественных позиций. И, конечно, менять социальную политику.

Список литературы

Гарр Т.Р. 2005. *Почему люди бунтуют?* СПб: Питер. 461 с.

Муфф Ш. 2008. К агонистической модели демократии. – *Логос*. № 2(42). С. 180–197.

Петухов В.В., Петухов Р.В. 2019. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 119–133.

BEZRUKOVA Elena Yur'evna, postgraduate student at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (bld. 1, 82 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119571; vladlena2017@gmail.com)

SOCIO-POLITICAL PROTEST IN RUSSIA OR «WHY DON'T PEOPLE REBEL?»

Abstract. This article reviews the protests that happened in Russia in 2018–2019. The researcher follows possible reasons for people's non-participation in the mass public events even when social frustration and dissatisfaction with the level of life in society is present. The author investigates a possibility of a persistent dialogue between the government and society. The analysis is based on reviews of the results of various questionnaires of public opinion, that deal with the eagerness of Russian people to participate in protest actions (so-called protest potential). Mass public protests actions show that the protest potential in Russia is formed and remains high. Factually, we are witnessing the result of a ten-year-long accumulation of the protest spirit under the circumstances of deterioration of the socio-political position of Russian citizens, connected to dysfunctional economical politics and democratic procedures made by the Russian government. The government attempts to increase control after the protest actions of Russian citizens. Two tendencies have formed: a large part of society has started to lean towards political absenteeism and has followed the principle of non-participation, and a smaller part that has taken part in protests has radicalized.

Keywords: political protest, power, political participation, pension reform, dialogue between government and society, radicalization